

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ СУБЪЕКТЫ КАК ИСТОЧНИКИ УГРОЗ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

Новоселов Сергей Вениаминович, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414000, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: seveno@rambler.ru

Современная система международной безопасности находится в стадии глубоких качественных изменений. Речь идет о новом характере международных отношений и их обновленной формализации: наряду с традиционными субъектами международного взаимодействия активную роль начали играть негосударственные участники. Их деятельность неоднозначна: одни своей деятельностью содействуют стабильности и безопасности, тогда как другие дестабилизируют обстановку. В статье рассматривается классификация негосударственных субъектов международной политики и их деятельность в качестве угрозы для международного мира и безопасности.

Ключевые слова: международный мир и безопасность, негосударственные субъекты, глобализация, международные террористические организации и сети, частные военные формирования, криминальные структуры и сети, Совет Безопасности, новые вызовы и угрозы

NON-STATE ACTORS AS SOURCES OF THREATS FOR THE INTERNATIONAL PEACE AND SECURITY

Novoselov Sergey V., Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: seveno@rambler.ru

The modern system of international security is under deep qualitative changes. It is a question of new character of international relations and their updated formalization: in addition to the traditional subjects of international interaction non-state actors have begun to play an active role. Their activity is ambiguous: the one activity promotes stability and safety whereas others – destabilize a situation. The article deals with the classification of non-state actors in international politics and their activities as a threat to international peace and security.

Keywords: international peace and security, non-state actors, globalization, international terrorist organizations and networks, private military groups, criminal organizations and networks, the Security Council, new challenges and threats

Современная система международной безопасности находится не только в стадии поступательного развития с течением времени, но и в стадии глубоких качественных изменений. Речь идет о новом характере международных отношений и их обновленной формализации: на место Вестфальскому правопорядку должны придти новые правила международного взаимодействия, которые не только отразят расстановку сил среди традиционных вестфальских институтов – государств, но и определят, какую роль в новых международных отношениях следует отвести негосударственным участникам. При этом негосударственным является тот субъект, который официально не уполномочен ни одним государством или государственным органом на ведение активной деятельности в сфере международной безопасности.

Необходимо отметить, что роль большого числа разнообразных негосударственных субъектов постоянно возрастает, в том числе в качестве факторов национальной и международной безопасности, и эта роль неоднозначна. Одни группы негосударственных субъектов своей деятельностью содействуют стабильности и безопасности на региональном и международном уровнях, тогда как другие дестабилизируют обстановку.

Расширение спектра действующих на международной арене субъектов часто считают одним из следствий или проявлений глобализации. В самом общем плане с этим, видимо, можно согласиться. Используя сегодня термин «глобализация», можно

при желании объяснять все, что угодно, не раскрывая, однако, сути явлений, о которых идет речь.

Полезно было бы рассмотреть проблему в историческом контексте. Дело в том, что активная роль негосударственных субъектов международных отношений не является чем-то принципиально новым, свойственным лишь нашему времени, порождением глобализации. Нечто подобное существовало, например, до того, когда в Европе начали формироваться национальные государства, ставшие постепенно наряду с империями основными действующими лицами международных отношений XVII–XX вв. Кроме того, и в эпоху модерна, когда главным действующим лицом на международной арене были национальные государства, существовали мощные негосударственные субъекты мировой политики, например, католическая церковь, игравшая очень большую роль в политической жизни на протяжении последнего тысячелетия, в том числе последних столетий.

Возникающая ныне мировая система напоминает, хотя и отдаленно, ситуацию, которая существовала в средневековой Европе. Например, французский аналитик Пьер Аснер писал: «Противоречивое многообразие действующих сил, типов гражданства и конфликтов возвращает нас, с некоторыми оговорками, к XVI веку с его могущественными торговыми городами и религиозными войнами, или даже к средневековью с его смешением беспорядка и строгой иерархии» [1, с. 297].

На наш взгляд, аналогии между возникающей и средневековой международными системами закономерны и появляются неслучайно. И для той, и для другой характерны многообразие и разноплановость политических субъектов, отсутствие четких границ между внутренней и внешней политикой, взаимное проникновение международной и национальных политических систем, множественность самоидентификаций, размытое содержание национального суверенитета и национальной принадлежности. Ничего более глубокого пока из этих аналогий получить невозможно, но они могут натолкнуть на некоторые важные соображения и выводы, помочь понять особенности мировой политики «эпохи постмодерна», для которой характерно прогрессирующее снижение роли и значения национальных государств, как в международных отношениях, так и во внутригосударственных политических системах.

Для более детального анализа необходимо систематизировать новые субъекты, появляющиеся на международной арене. Их можно разделить на восемь основных классов или типов.

Первый – **транснациональные корпорации (ТНК)**, годовой оборот которых сравним с оборотом современного среднего государства. В руках корпораций сосредотачивается не только финансово-промышленная мощь, но и создание новых технологий.

Для левой части глобального политического спектра, в том числе для «антиглобалистских» движений, ТНК являются субъектами эксплуатации и гегемонии «мирового капитала», угрожающими национальному суверенитету, самобытности и национальным культурам и т.д. По мнению же либералов, ТНК представляют собой самые эффективные и соответствующие «эпохе постмодерна» инструменты технологического прогресса и экономического развития.

Полярные расхождения в оценках отражают двойственную роль, которую ТНК играют в мировой политике. Действительно, ТНК все больше выходят из-под контроля национальных государств. При этом механизмы управления ими имеют четко выраженный авторитарный характер. Крупные транснациональные корпорации обладают глобальной сферой влияния, но не глобальной ответственностью.

В целом же расширение влияния ТНК в мировой экономике содействует стабильности, укрепляет международную безопасность. Причина этого в том, что для эффективного функционирования ТНК нуждаются в политической стабильности. В зонах высокого политического риска ТНК, как и другие современные экономические субъекты, стараются минимизировать свою деятельность и свои инвестиции.

Второй тип негосударственных действующих лиц, все более активно действующих в мировой политике, – **религиозные организации, структуры, движения**. Здесь складывается противоречивая картина. Многие из таких организаций и инсти-

тутов являются фактором стабилизации и безопасности. Нельзя не упомянуть в этой связи католическую церковь, являющуюся наднациональной международной структурой.

Вместе с тем, сегодня в мировой политике возрастающую роль играют религиозные экстремистские силы, прежде всего, структурированные сетевым образом радикальные исламские движения. Термин «сеть» в данном случае особенно интересен, поскольку в исламе церкви, как иерархической структуры, не существует, а отдельные организации, ячейки, общины объединяются именно в виде сетей. Происходящий в современном исламе рост экстремистских настроений и экстремистской активности вызывает очень серьезную озабоченность, хотя причины этого явления пока в полной мере не ясны. Видимо, в основе этого лежит сопротивление традиционных слоев, институтов и элит в исламских странах неизбежной модернизации. Но каковы бы ни были причины радикализации ислама, факт остается фактом: радикальный экстремистский ислам и возникающие в его русле структуры и институты являются фактором дестабилизации мировой политики, как на международном, так и на национальном уровне. При этом экстремистские исламские организации распространяются не только в мусульманском мире, но и в Европе. Учитывая увеличивающийся объем миграции из мусульманских регионов в Европу, это будет создавать все более серьезные проблемы для европейских государств.

Третий тип негосударственных субъектов мировой политики – **экстремистские организации, движения и сети левого толка**. Левая часть мирового политического спектра претерпевает в последние десятилетия серьезные изменения. Типичный для XX в. экстремизм, основанный на каноническом варианте марксизма, хотя и не исчез полностью, постепенно уходит в прошлое. Его место быстро занимают новые типы левых движений, среди которых организованные в переплетающиеся международные сети движения, названные антиглобалистскими, хотя сами себя они именуют альтернативным глобализмом. Антиглобализм имеет ярко выраженный антисистемный характер. Его идеология – хаотическая смесь классического марксизма, в том числе в его примитивно-воинствующем троцкистском варианте; геваризма; различных версий «тьермондиализма», обильно приправленных иждивенческими трактовками социальной справедливости, как реализации уравнилельной практики на национальном и глобальном уровнях. Все такие взгляды отражают настроения и притязания маргинальных и маргинализирующихся слоев, не способных адаптироваться к быстро происходящим социальным и экономическим изменениям. Эклектический и, одновременно, агрессивный характер антиглобалистской идеологии усиливает опасность, присущую этим движениям, поскольку позволяет объединять и вовлекать в антисистемные акции самые разные социальные группы, недовольные собственным положением. При этом неспособность выработать конструктивную концепцию, подталкивает антиглобалистские движения к экстремистским, насильственным методам действий.

Опасность антиглобалистских движений, как и других субъектов левого толка, в известной мере обусловлена формированием в развитых странах «новых дискриминированных слоев». Их главным источником является массовая миграция в Европу и США рабочей силы из стран Юга. В итоге, в Европе и, в меньшей мере, в США линии социально-экономического разделения начинают совпадать с этническими и религиозными. Экономическое неравенство сопрягается с культурно-религиозными различиями. Формируется взрывоопасная среда, причем лево-радикальные антиглобалистские движения и идеологи могут сыграть ту же страшную роль, какую сыграла разночинская российская интеллигенция, вырабатывая и внедряя в сознание отсталых, неспособных к критическому анализу масс населения Российской империи антисистемные, революционные идеи.

Четвертый тип негосударственных субъектов мировой политики – **международные террористические организации и сети**. Их идеологическая база и питательная среда создаются радикальным исламом и антиглобалистскими движениями. Главной массовой базой международного терроризма сегодня являются деклассированные слои, возникающие в результате модернизации традиционных обществ, прежде всего, исламских. Терроризм – явление далеко не новое. Но в последние годы

наблюдается формирование нового качества терроризма. Из локального явления, известного и ранее в отдельных странах, он превратился в не признающее государственных границ **глобальное транснациональное движение**, как по составу участников, так и по географии проведения операций. Новое качество международного терроризма дополняется сращиванием корневых систем глобального движения и его национальных проявлений. Получила развитие и **организационная структура этого движения, основывающаяся на сетевом принципе взаимодействия часто автономных и инициативных ячеек, имеющих способность к «клонированию»**. Движение международного терроризма приобрело динамику саморазвития и приспособления к местным условиям в различных уголках земного шара.

Организация борьбы с терроризмом «породила» новые негосударственные субъекты **«войны и военной деятельности»** – пятого типа деструктивных негосударственных акторов [2]. Сформировалась практически «индустрия антитеррора», в эту деятельность вовлечены производители оружия, спецсредств, охранные агентства, страховые компании, всякого рода исследователи и консультанты, СМИ, представители политической элиты и силовых структур. Среди этих субъектов особо необходимо выделить **частные военные фирмы (ЧВФ)**, играющие заметную роль на национальных и транснациональных уровнях. Различие между ними может быть выявлено посредством изучения мотивов, которые ими движут, степени легальности и легитимности, специфики способов и средств действий. Хотя формально деятельность ЧВФ направлена на обслуживание «чужих» интересов, есть основания утверждать об обретении ими в настоящее время признаков самостоятельного политического субъекта. Все крупные транснациональные корпорации (ТНК) в своей деятельности в «слабых» государствах опираются на ЧВФ. Среди компаний, пользующихся услугами ЧВФ, представлены мировые брэнды (например, «Бритиш Петролеум», «Кока-кола» и «Нестле»). В качестве заказчиков ЧВФ выступают и государства (как «сильные», так и «слабые», «депрессивные»), гуманитарные организации (в том числе институты ООН) и др. Тем самым в «работе» ЧВФ в значительной степени отражается специфика военной деятельности всех остальных субъектов, относящихся к этому типу [4].

Сфера деятельности ЧВФ многогранна, они освоили практически все функции, свойственные вооруженным силам развитых государств, и присутствуют практически во всех «горячих точках» мира. ЧВФ борются с террористами и партизанами, планируют военные операции и руководят ими, участвуют в разработке воинских уставов и рекомендаций для правительств, готовят военные кадры, сменяют государственные воинские формирования и обеспечивают их деятельность (в том числе обслуживая технику и занимаясь вопросами снабжения), собирают и обрабатывают информацию, ведут разведку, внедряют агентуру, защищают экономическую деятельность, подавляют забастовки, охраняют нефтепроводы, охраняют и допрашивают пленных и др. Для решения своих задач компании располагают самым разнообразным вооружением, вплоть до бронетехники и боевых самолетов, а при необходимости создают и высокопрофессиональные компактные армии [8].

Совокупная численность сотрудников ЧВФ в мире достигает 2 млн человек. По оценкам ООН, ежегодный объем услуг, оказываемых компаниями, достигает 100–120 млрд долл. Ожидается, что к 2010 г. эта цифра достигнет 200 млрд долл. [7]. По другим данным, уже в 2005 г. оборот ЧВФ достиг 200 млрд евро.

Очевидно, что ЧВФ стремятся к обогащению. Чтобы извлекать прибыль, им нужен устойчивый спрос на свои услуги, а это возможно лишь при отсутствии стабильности и наличии конфликтов. ЧВФ обязаны своим существованием войне и наживаются на вооруженных конфликтах, зарабатывают не на мире, а на войне. Значит, ЧВФ прямо заинтересованы в том, чтобы конфликты не прекращались.

На территории «слабых» государств ЧВФ, которые не уступают по силе и влиянию официальным структурам, а порой и превосходят их, участвуют в решении политических по своему характеру задач: свергают действующие режимы или же борются с оппонентами власти, разрушают при необходимости госструктуры, поддерживают управляемый хаос и т.д.

В метрополиях же, в «сильных» государствах, ЧВФ активно прибегают к давлению на политическую элиту и лиц, принимающих решения, используя механизм лоббирования и формируя собственное «поле интересов». В развитых странах имеет место сращивание сферы военных услуг, государственной бюрократии, армии, оборонной промышленности. В руководстве многих ЧВФ ключевые посты часто занимают действующие государственные чиновники, политики и высокопоставленные военные.

В ряде случаев ЧВФ представляют собой реальную угрозу демократическому обществу. Следует учитывать и возможности обострения противоречий в отношениях внутри самих таких компаний, что способно привести к прямому противоборству. В современных конфликтах происходит и стирание граней между регулярными и «частными» участниками боевых действий.

Основная же опасность для общества заключается в том, что поощрение и поддержка государством деятельности ЧВФ означает по сути передачу вопросов обеспечения безопасности граждан в частные руки, добровольный отказ от реализации одной из его основных функций.

Следующий, шестой тип деструктивных негосударственных действующих лиц – **криминальные структуры и сети**, связанные друг с другом в глобальном масштабе. К наиболее опасным из них относятся наркобизнес, бандформирования, вооруженные группы, занимающиеся пиратством и грабежами, контрабанда оружия, нелегальная миграция, отмывание денег, полученных преступным путем и иные проявления организованной преступности. По своей экономической значимости международный криминал пока не сравнялся с ТНК, но сопоставим с ними. Как считают специалисты, ежегодный оборот международной преступности исчисляется сотнями миллиардов долларов. Их деятельность далеко не всегда может быть обусловлена сугубо политическими мотивами, будучи связанной с борьбой за обогащение, территории, обладание материальными ресурсами и средствами к существованию. Такие вооруженные группы и банды мало озабочены стремлением к политической власти. Подобная деятельность имеет региональную специфику. Политический характер подобная деятельность приобретает в случае вмешательства государственных структур или же с началом борьбы за политическую власть. Морское пиратство приобретает форму военных действий против торговых судов многих государств мира [3].

Седьмой тип негосударственных действующих лиц – **непризнанные государства, или квази-государственные образования**. Наиболее известные из них – Абхазия, Приднестровье, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Северный Кипр. Само существование этих образований дестабилизирует обстановку в соответствующих регионах. Кроме того, эти квази-государственные образования являются «серыми зонами», своего рода «заповедниками», в которых свободно чувствует себя организованная преступность, разного рода террористические движения, каналами крупномасштабной контрабанды.

Восьмой тип негосударственных субъектов – **международные институты, неправительственные гуманитарные, правозащитные и иные организации, крупнейшие СМИ**. Они стремятся к усилению своего влияния и достижению своих целей в основном открыто, посредством сотрудничества или же соперничества, конкуренции с государствами.

Противоречивость отношений СМИ и государства, усложнение военно-политических процессов способствовали появлению относительно новой тенденции в деятельности массмедиа, которые наращивают собственные аналитические и разведывательные возможности: создают аналитические центры, куда вовлекаются опытные военные эксперты, и стремятся к обладанию собственными космическими спутниками [11]. Так, существенно возросла роль неправительственных организаций в урегулировании международных и внутригосударственных конфликтов [10, с. 272]

Сегодня действия деструктивных негосударственных субъектов представляют собой наиболее актуальную и наиболее острую угрозу международной безопасности.

Определения негосударственных угроз международному миру и безопасности не существует. Представляется, что на официальном уровне оно вряд ли появится,

поскольку Совет Безопасности ООН определяет существование любой угрозы миру по факту их появления и конкретно в каждом случае.

В этом плане практическую значимость может представлять, скорее, толкование негосударственных угроз международному миру и безопасности, костяк которого должно составить субъективное происхождение таких угроз (т.е. ответ на вопрос, кто является источником данных угроз). В этой связи и для целей настоящей статьи предлагается следующее понимание определения, заложенного в тему работы.

Негосударственные угрозы международному миру и безопасности – новые угрозы международному миру и безопасности, источником которых выступают негосударственные субъекты.

Вместе с тем, действующее международное право, как нормативный скелет всех международных отношений, создавалось из аксиомы, что угрозы международному миру и безопасности могут исходить исключительно со стороны государств или их объединений. В качестве неперемного элемента таких угроз выступали агрессивные действия. Под субъектом всех действий, которые перечислены в известном определении агрессии 1974 г. и объявлены таковой Генеральной Ассамблеей ООН, является государство. Да и все военно-политические блоки XX в. создавались одними государствами в интересах предотвращения угроз со стороны других. Что касается юридического измерения проблемы, то до решений Совета Безопасности ООН в сентябре 2001 г. иных официальных квалификаций негосударственных субъектов или их деятельности в качестве угрозы для международного мира и безопасности не было.

На основании гл. VII и в соответствии со ст. 39 Устава ООН только Совет Безопасности определяет существование угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации, или решает, какие меры следует предпринять в соответствии со ст. 41, 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Поэтому Совет Безопасности может принимать общеобязательные решения в случае «существования угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии» и предпринимать меры, направленные на устранение угроз глобального характера.

Необходимо отметить, что идеи «расширенного» понимания угроз безопасности витали в политологических кругах Запада начиная с 1970-х гг. Многие специалисты уже в то время указывали, что терроризм и транснациональная организованная преступность могут представлять не меньшую опасность для мира, чем традиционные вооруженные конфликты [13].

Однако это были лишь размышления на тему нового понимания безопасности и угроз. Переход от теории к политико-правовой практике происходил поэтапно. Политическое оформление, новые подходы к безопасности получили на высшем официальном уровне в рамках Хельсинкского процесса. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), подписанный 1 августа 1975 г., включил вопросы так называемой «второй корзины», связанные с экономикой и окружающей средой. Именно СБСЕ расширило понятие «безопасность», превратив его из чисто военно-политического в многомерное, включающее в себя также гуманитарные, экономические, экологические и другие аспекты [6, с. 7]. «Разгосударствление» угроз международной безопасности в рамках СБСЕ/ОБСЕ имело исключительное значение политического, но пока не правового, прецедента.

Постепенно понятие «угроза миру» начало распространяться и на конфликты внутри государства, а также конфликты между государством и негосударственными субъектами. В соответствии с толкованием, данным Апелляционной палатой Международного уголовного трибунала для бывшей Югославии по делу Тадича, «угроза миру» – это больше чем просто политическое понятие, для определения существования угрозы миру необходимо учитывать как правовые аспекты, так и политические реалии [14].

Сам Совет Безопасности также не раз констатировал факт существования угроз, исходящие от негосударственных субъектов, и являющихся столь же опасными, что и угрозы со стороны государств-агрессоров. Поэтому Совет Безопасности значительно расширил свои полномочия, когда стал рассматривать вопросы общего характера, представляющие интерес для всего международного сообщества, не обращаясь к какой-либо отдельной ситуации или конфликту, причем перечень таких ситуаций, оце-

ниваемых как угроза миру, постоянно расширялся. Например, на заседании Совета Безопасности на уровне глав государств и правительств 31 января 1992 г. при обсуждении ответственности Совета за поддержание международного мира и безопасности было заявлено, что отсутствие войны или вооруженных конфликтов между государствами само по себе еще не является гарантией международного мира и безопасности. Источники нестабильности в экономической, социальной, гуманитарной и экологической сферах все чаще представляют собой угрозу международному миру и безопасности.

Но только после событий 11 сентября 2001 г., когда 28 сентября 2001 г. была принята резолюция 1373, можно говорить о том, что Совет Безопасности вышел за рамки привычной для него роли управления в кризисных ситуациях [12]. Совет квалифицировал действия негосударственного субъекта как угрозу для международного мира и безопасности. «После событий 11 сентября 2001 г. Совет Безопасности дал, по сути, новую интерпретацию статьи 51 Устава ООН, подведя базу под применение силы в порядке самообороны в случае нападения негосударственного формирования на государство» [9].

В резолюции Совет Безопасности постановил, что любые акты международного терроризма представляют собой угрозу для международного мира и безопасности и признал право государств на индивидуальную и коллективную самооборону в ответ на террористические атаки.

В апреле 2004 г. Совет Безопасности принял резолюцию 1540, направленную на предотвращение попадания оружия массового уничтожения (ОМУ) в руки негосударственных субъектов, в которой подтверждается, что распространение ядерного, химического и биологического оружия, а также средств его доставки представляет угрозу для международного мира и безопасности.

Если до 2001 г. все решения Совета Безопасности, имеющие обязательный характер, принимались в связи с определенной ситуацией и были ограничены географическими или временными рамками, то принятием вышеуказанных резолюций Совет Безопасности создал обязательства для всех государств – членов ООН по проблемам представляющим интерес для всего международного сообщества в целом, без конкретных адресатов и установления каких-либо временных ограничений.

Наряду с этим, наиболее чувствительным и острым здесь продолжает оставаться вопрос о соотношении принятых резолюций Советом Безопасности с принципом, закрепленным в п. 7 ст. 2 Устава, в соответствии с которым Устав не дает ООН права вмешиваться в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от членов ООН представлять такие дела на разрешение в порядке Устава. Однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании гл. VII Устава.

Перечень принудительных мер, содержащихся в ст. 41, является примерным и не исчерпывающим, на что указывает формулировка «могут включать». Статья 39 Устава, которая устанавливает, что Совет Безопасности решает, какие меры должны быть предприняты для поддержания международного мира и безопасности в соответствии со ст. 41 Устава, оставляет право выбора средств за Советом Безопасности, который в данном вопросе пользуется свободой усмотрения. Это позволяет Совету Безопасности применять упреждающий подход при осуществлении главной ответственности по поддержанию международного мира и безопасности.

Поскольку такие явления общего характера, как международный терроризм и угроза попадания оружия массового уничтожения в руки негосударственных субъектов, определены в качестве угрозы миру и безопасности, Совет Безопасности может применять превентивные меры общего характера, не дожидаясь, пока данные угрозы материализуются в конкретных действиях.

Таким образом, рассмотрение практики ООН позволяет прийти к выводу, что «угроза миру» в смысле ст. 39 Устава может включать в себя ситуацию как таковую, и с определенной долей уверенности можно утверждать, что в будущем перечень таких ситуаций и явлений общего характера, рассматриваемых Советом Безопасности как угроза миру, будет расширяться.

Причислив к понятию угроз, имеющих негосударственное происхождение, международному миру и безопасности – терроризм, незаконный оборот ОМУ – полагаем, что верным шагом дальше стало бы признание Советом Безопасности афганского наркопроизводства в качестве угрозы для международного мира и безопасности.

Позволим себе закончить статью цитатой К. Аннана. Данное заявление было сделано им еще в должности Генерального секретаря ООН, в 2004 г., однако представляется как никогда злободневным: «Устав Организации Объединенных Наций предельно ясен. Государства имеют право оборонять себя – и друг друга – в случае агрессии. Однако первоочередная задача самой ООН, в соответствии со ст. 1 Устава, состоит в том, чтобы «принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру» [5].

Список литературы

1. Аснер, П. Насилие и мир. От атомной бомбы до этнической чистки : пер. с фр. / П. Аснер. – СПб., 1999. – С. 297.
2. Белозеров В. Негосударственные субъекты современных войн и военной деятельности / В. Белозеров // Проблемы безопасности: Бюллетень Научно-исследовательского центра «Наука – XXI». – 2009. – № 5. – С. 91–97.
3. Гавриленко А. Флибуштеры XXI века / А. Гавриленко // Военно-промышленный курьер. – 2008. – № 44.
4. Григорьев Е. Гастарбайтеры войны / Е. Григорьев // Независимое военное обозрение. – 2004. – № 20.
5. Заявление Генерального секретаря ООН на заседании Консультативного совета по вопросам разоружения. Нью-Йорк, 4 февраля 2004. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
6. Кашлев Ю. Б. Хельсинкский процесс 1975–2005: свет и тени глазами участника / Ю. Б. Кашлев. – Ю.Б.М., 2005. – С. 7.
7. Логунов А. Зарубежные негосударственные субъекты военно-политических отношений в XXI веке / А. Логунов // Зарубежное военное обозрение. – 2006. – № 3. – С. 2–11.
8. Мясников В. Корпоративные солдаты для горячих точек. Сфера безопасности стала быстрорастущим сектором экономики / В. Мясников // Независимое военное обозрение. – 2008. – 24 октября.
9. Примаков Е. М. ООН: вызовы времени / Е. М. Примаков // Россия в глобальной политике. – 2004. – № 5. – Сентябрь-октябрь.
10. Степанова Е. А. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа / Е. А. Степанова. – М. : Права человека, 2001. – 272 с.
11. Hartwig S. Konflikt und Kommunikation: Berichterstattung, Medienarbeit und Propaganda in internationalen Konflikten vom Krimkrieg bis zum Kosovo / Stefan Hartwig. – Münster : LIT, 1999. – S. 209.
12. Johnstone J. The Security Council as Legislature // The UN Security Council and the Politics of International Authority / ed. by Bruce Cronin and Ian Hurd. – 2004. – P. 82.
13. Keohane R., Nye J. Power and Interdependence. Boston: Little, Brown and Co., 1977.
14. Prosecutor v. Tadic, Decision on the Defence Monitor for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, No. IT-94-1-AR72, para. 30 (Oct. 2, 1995).

References

1. Asner, P. Nasilie i mir. Ot atomnoy bomby do etnicheskoy chistki : per. s fr. / P. Asner. – SPb., 1999. – S. 297.
2. Belozеров V. Negosudarstvennyye subekty sovremennykh voyn i voennoy deyatelnosti / V. Belozеров // Problemy bezopasnosti: Byulleten Nauchno-issledovatel'skogo tsentra «Наука – XXI». – 2009. – № 5. – S. 91–97.
3. Gavrilenko A. Flibustery XXI veka / A. Gavrilenko // Voенno-promyshlennyy kurer. – 2008. – № 44.
4. Grigorev Ye. Gastarbayeri voyni / Ye. Grigorev // Nezavisimoe voенnoe obozrenie. – 2004. – № 20.
5. Zayavlenie General'nogo sekretarya OON na zasedanii Konsultativnogo soвета po voprosam razoruzheniya. Nyu-York, 4 fevralya 2004. – Rezhim dostupa: <http://www.un.org/russian/>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana. – Yaz. rus.
6. Kashlev Yu. B. Khelsinskiy protsess 1975–2005: svet i teni glazami uchastnika / Yu. B. Kashlev. – Yu.B.M., 2005. – S. 7.
7. Logunov A. Zarubezhnye negosudarstvennyye subekty voенno-politicheskikh otnosheniy v XXI veke / A. Logunov // Zarubezhnoe voенnoe obozrenie. – 2006. – № 3. – S. 2–11.

8. Myasnikov V. Korporativnye soldaty dlya goryachikh toчек. Sfera bezopasnosti stala bystrorastushchim sektorom ekonomiki / V. Myasnikov // Nezavisimoe voennoe obozrenie. – 2008. – 24 oktyabrya.
9. Primakov Ye. M. OON: vyzovy vremeni / Ye. M. Primakov // Rossiya v globalnoy politike. – 2004. – № 5. – Sentyabr-oktyabr.
10. Stepanova Ye. A. Voenno-grazhdanskiye otnosheniya v operatsiyakh nevoennogo tipa / Ye. A. Stepanova. – M.: Prava cheloveka, 2001. – 272 s.
11. Hartwig S. Konflikt und Kommunikation: Berichterstattung, Medienarbeit und Propaganda in internationalen Konflikten vom Krimkrieg bis zum Kosovo / Stefan Hartwig. – Münster: LIT, 1999. – S. 209.
12. Johnstone J. The Security Council as Legislature // The UN Security Council and the Politics of International Authority / ed. by Bruce Cronin and Ian Hurd. – 2004. – P. 82.
13. Keohane R., Nye J. Power and Interdependence. Boston: Little, Brown and Co., 1977.
14. Prosecutor v. Tadic, Decision on the Defence Monitor for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, No. IT-94-1-AR72, para. 30 (Oct. 2, 1995).

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА ВЛАСТИ
АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ
РЕГИОНАЛЬНОЙ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

Мармилова Екатерина Петровна, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: katyamme@mail.ru

Маркелов Константин Алексеевич, кандидат экономических наук, Председатель
Правительства Астраханской области

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: katyamme@mail.ru

В статье рассматривается деятельность Астраханского областного Представительного Собрания по формированию региональной бюджетной политики в 1990-е гг. Следует отметить, что в указанный период Астраханское областное Представительное собрание работало в сложных экономических условиях. В связи с недостаточным поступлением федеральных денежных средств депутаты постоянно искали возможности для пополнения областного бюджета. Однако комплекс законов Астраханской области, регулирующий бюджетную сферу, принимался постепенно, в соответствии с рамками федерального законодательства и в 1990-е гг. наблюдалась большая активность субъекта федерации в налоговой политике.

Ключевые слова: бюджет субъекта РФ, бюджетная политика региона, региональный парламент

**ACTIVITIES OF THE REPRESENTATIVE BODIES OF POWER
ASTRAKHAN REGION ON THE FORMATION REGIONAL BUDGET POLICY
IN THE POST-SOVIET PERIOD**

Marmilova Ekaterina P., Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: katyamme@mail.ru

Markelov Konstantin A., Ph.D. (Economics), Chairman of the Government of the
Astrakhan region